

Молитва

Ивану Масалову

Боже, будь милосердным, храни, как детей,
Музыкантов, поэтов, певцов,
Этих сталкеров жизни и новых путей
Безнадёжно беспечных творцов!

И пусть эти несчастные чаще других
Нарушали запреты Твои,
Часто строчки стихов и напевов простых
Зароняли зародыш любви

В души тех, кто Тебя до сих пор не нашёл,
Кто отчаялся, сбился с пути,
За свободный и честный живой рок-н-ролл
Оправдай на суде и прости!

Вот живёт музыкант, пропивает талант,
Погружается в пропасть страстей,
Вечеринки, наркотики, годы подряд
Полный дом нежеланных гостей.

Он бы мог, словно хакер, взломать этот код,
Стать «хорошим», удариться в ЗОЖ,
Только грешные— те, для кого он поёт,—
Не поверят ему ни на грош.

Никогда не откроет дорогу к сердцам
Тот, кто не был ни разу на дне,
И поэтому должен идти до конца
Тот, кто взялся запеть в тишине.

В неизведанный омут ныряет поэт,
Причиняя страданья себе,
И со дна достаёт, как жемчужину, свет,
Чтоб раздать за бесценюк толпе.

В преисподней со всеми чертями на «ты»,
Знает радость, паденье и грех
И поэтому может, дойдя до черты,
Разбудить, достучаться до всех.

Не суди его строго, он— конченный псих,
Чья душа беспрестанно болит,
После нескольких лет испытаний Твоих
Он уже навсегда инвалид.

Он не раз порывался покончить с собой,
Пережил не один передоз,
Сколько в жизни его было схваток с судьбой,
А ещё— очищающих слёз!

А ещё— откровений, прозрений, молитв,
Сколько раз он во сне умирал,
И как много он всё-таки выиграл битв,
Даже если в иных— проиграл!

Я прошу, если можешь, продли его дни,
Сбереги от чумы и тюрьмы.
Если в омуте страшном погаснут они—
На кого же останемся мы?

Сколько их полегло в чёрных кратерах ям,
Не вернулось из пут забытья.
Не оставь их в беде, Ты же знаешь всё сам,
Да исполнится воля Твоя!

Я напишу про запах спелых яблок,
Что падают в заброшенном саду,
И про ворон— бессовестных нахалок:
Они кричат, дерутся на лету.

Про то, как осень сеет отчужденье,
Роняя в души зёрна параной,
И про ночные тёмные виденья,
Что предлагают выход в мир иной.

Про холодок и сырость звёздной ночи,
Про то, как зябко сонному ежу,
И про грибы, растущие на кочках,
Но о любви, прости, не напишу.

Такая глупость— постоянно биться
В одну и ту же стену много лет.
Сломает крылья сбрендившая птица,
А за стеною— ничего и нет.

Перехватчик молитв

Перехватчик молитв надевает свой плащ-невидимку
И прозрачным сачком ловит в банку живые слова,
Что рвались обо всём рассказать, не предвидя поимки,
Но не могут пробиться сквозь сети его колдовства.

И не знает никто наверху, что душа потерялась,
Навигатор сломался, и компас бессовестно врёт,
И сигнальных ракет не осталось, и давит усталость,
И никто не отправит на помощь за ней вертолёт.

Людям страшно в тяжёлое время остаться без связи,
Этот год високосен, и осень уносит совсем.
Люди шепчут молитвы, а снег тихо падает наземь,
Через белые стены не слышно стихов и поэм.

Неприступно хранит тишину изолятор молчанья,
Не пропустит ни звука наверх перехватчик молитв.
Если чьи-то слова и прорвутся за грани случайно,
Этот свежий порыв неминуемо будет забыт.

Бьются в клетке признанья, не в силах достичь адресата,
И не слышат, как с неба доносятся колокола,
И не могут понять, что их правда сильнее преграды,
И не могут увидеть, что нет никакого стекла.

Но однажды оно разлетится разбитым оконцем,
Сквозь осколки иллюзий прольётся спасительный свет,
И найдёт адресата душа, что летела за солнцем,
И вернётся ответ, неизбежно вернётся ответ.

Черти и мыши

Я которые сутки молчу, потому что не слышу
Ничего, кроме треска поленьев, дымящихся в печке.
Да и с кем говорить? В этом доме лишь черти да мыши:
То уронят стакан, то задуют, проказники, свечку.

Колобродит мохнатая мышка по имени Зинка,
Я оставила ей на террасе немного печенья,
Пусть не роется ночью в бумажках, коробках, корзинках
И в шуршащих пакетах не ищет себе угощенье.

Но и черти, надеюсь, совсем на меня не в обиде,
У меня для них есть угощенье особого сорта—
Пусть берут мои лучшие чувства, пока он не видит,
И скорее уносят их к самому главному чёрту.

Ну и что— всё равно пропадают без проку, без толку,
Так пускай же горят в жаркой печке крошечного ада,
А наутро Господь осторожно откроет заслонку
И одобрит золою деревья Эдемского сада.

Новый рубеж

Отключи Интернет, разбери ноутбук,
Провода телефона обрежь.
Слышишь—кто-то стучит? Это вовсе не стук,
Это близится новый рубеж.

Закупись на неделю, на месяц, на год,
Не впускай в этот дом никого.
Кто-то хочет войти, кто-то скоро войдёт,
Ты, наверное, слышишь его.

За окном даже воздух тяжёл, как свинец,
Попытайся заклеить стекло,
Чтобы всё герметично, иначе конец,
Стрелки времени все сорвало.

Не впускай ни сирот, ни детей, ни больных,
Это всё—наваждение, обман.
Жги лампаду, молись и проси всех святых,
Пусть опустится тайный стоп-кран.

Постарайся проникнуть в природу вещей,
Стань отшельником стен городских.
Может быть, твоя келья среди этажей
И продержится дольше других.

Будут лаять собаки и звать голоса,
Будут пальцы скрести по стеклу,
Запечатая глазок, не смотри им в глаза,
Не впускай изначальную мглу.

Абстрагируйся, слушай, в тебе—пустота,
Растворяйся, вы с нею—одно,
Постарайся успеть раствориться, когда
Эта комната рухнет на дно.

Я—маленький остров в большом океане,
Песчинка в пустыне, колючка в саванне,
Я—ёжик, забывший дорогу в тумане,
Я—веточка в бурной реке,
Я—Богом забытая хлебная крошка,
Случайная нота поющей гармошки,
Смешной муравьишка на маленьких ножках,
Горячая капля sake.

Я—буква в романе, мазок на иконе,
Кристалл кокаина в подпольном притоне,
Я—розовый волос волшебного пони,
Я—белый бумажный цветок,
Я—рисинка в сүши, я—соли крупица,
На крыше мансарды кусок черепицы,
Я—петелька шерсти на тоненьких спицах
И в трубке короткий гудок.

Но стоит увидеть всё целое вместе,
Меня и Галактика даже не вместит,
И даже не двадцать галактик, а двести
Не вместят меня целиком.
Я—целое небо и целая суша,
Я—все эти звёзды и все эти души,
Я—всё, что придётся однажды разрушить,
И всё, что создастся потом.